

Современные стратегии образования соотносятся с соответствующими философскими образами мира, а современное философствование по большому счету представляет собой актуализацию опыта предшественников. Поэтому вопрос об ориентирах образования и воспитания глубинно связан с представлениями о месте человека в мире и в истории, вере и знании, смысле жизни, смерти и бессмертия - в конечном счете, с осмыслением вопросов существования и судьбы.

Достаточно распространенная идея некоего унифицированного образования является по многим позициям иллюзией, причем адепты данного подхода, как правило, скрывают за своими утверждениями не что иное как трансформированное и превращенное желание власти: тот, кто обладает знанием, обладает властью.

Наиболее трудным в современной философии и философии образования оказывается, как это ни покажется странным, вопрос о настоящем. И дело не только в том, что именно настоящее дается труднее всего - лицом к лицу с ним не увидать... Настоящее представлено как комбинация возможностей. Именно настоящее (в философии, социальной жизни и образовании как важнейшей части социальной жизни) оказывается как бы непрозрачным, не открывающимся навстречу со-знанию.

И сразу встает вопрос: как можно оформлять и образовывать то, что до конца не прояснено?

Как должно быть ориентировано образование, если перспективы будущего ясно не даны и никем не заданы?

Вопросы приобретают особую остроту в ситуации множества подходов к построению образования. И вполне закономерно, что в тех стратегиях образования, в которых осознана бесперспективность подражания и копирования чужого опыта и осмыслена трудность определения настоящего, ставится вопрос о природе самого образования.

Каким оно должно быть? Вписанным в региональную систему представлений или ориентированным на некий всеобщий - необходимый - образ мира?

Друг друга отражают зеркалом, взаимно искажая отражения... - повторяя слова поэта, можно было бы сказать о современной ситуации в философии и образовании. Противостоят друг другу различные позиции, которые в своих противоположениях не схватывают реальность настоящего. Призван образование хранить гений местности с ее традициями, отношением к небесному и земному? Или же образование подчинено унификационным тенденциям, что в конечном счете приведет к забвению традиций, особенностей и представлений? Ответ, конечно, невозможен простым положением его между двумя полюсами: между ними, предупреждал Гете, не лежит истина - между ними лежит проблема.

По аналогии с лингвистикой и философией в философию образования может быть введен термин *идиом образования*. Это родовое понятие, характеризующее целостное образование - представление о становлении - образовании - человека. Идиом соотносим с определенным образом мира - именно образом, содержащим в себе идеальность проекции, что является ориентиром образовательных действий.

В смысловом пространстве идиома этнокультурные, исторические и образовательные позиции способны объединяться с философскими - именно в нем может быть установлена корреляция философии и образования. Идиом выражает и представляет опыт присхождения и существования философствования в определенном историческом и культурном пространстве.

Идиом - функциональное органическое целое, которое целеобразно сложилось и реально существует в сознании и памяти со-

временности. "...С удалением целесообразности, - писал в работе "О понимании" В.В.Розанов, - мир лишился бы нравственного смысла и утратил бы некоторую высшую разумность, которая лежит в нем. И так, назначение целесообразности состоит в том, чтобы, проникая бытие, придать ему нравственное значение и сообщить ему высший разумный смысл, т.е. одухотворить его". Знание понято как целесообразное следование целесообразной же устроенности мира.

Ряд авторов при объяснении проблемы своего/иного, своего/чужого и своего/другого в русской культурной и философской традиции обращается к психоаналитическому феномену *невроза*. Начало такой ориентации определил основоположник психоанализа, который при анализе творчества Достоевского высказался о природе русского сознания, которое, по его мнению, *страдает принципиальной раздвоенностью и попеременно представляет то как грешащее, то как кающееся в грехах*. Назвав это *удобным способом построения жизни*, Фрейд определил его как *сделку с совестью характерную русскую черту*.

Во множестве последующих исследований тема невротичности русской философии и культуры, а соответственно и образования как процесса формирования человека, столь часто была представлена, что возникает вопрос о некотором *невротизме* самого навязчиво

традиция представляет собой конкретную *целокупность целесообразного смысла*. Философское знание - устойчивая структура, внутренне взаимодействующая которой придает ей жизненную напряженность. Структура устойчиво воспроизводится, стягивая воедино отдельные позиции и задавая непрерывность процессу вопрошания и ответственности. Философский язык в его целостности поддерживает определенный образ мира.

Стратегия образования должна выстраиваться не через отсылку к чужому, а через отношение к другому, в том числе к своему-другому - собственному историческому становлению как реализации целесообразности.

Возвращение Русского или введение Западного рассматривается в таком случае как ложная дихотомия. Ни того, ни другого исключительно ожидать не можем, а поневоле должны предполагать нечто *третье*, долженствующее возникнуть из взаимной борьбы двух враждующих начал, - писал в ответе А.С.Хомякову И.С.Киреевский.

Подобное сочетание позиций сегодня чрезвычайно актуально, ибо оно соединяет вопросы *реформирования* современной общественной системы и *глубинные основания* социальной действительности. Доведенные до предела *варварство охранителей* и *варварство просветителей* совпадают друг с другом, перемножаются, создавая проект дурного

Философия и образование

воспроизводимого говорения. Ведь в традиции психоанализа именно многократно воспроизводимое высказывание может быть понято как *перенесенное нарциссическое самодовольство собственным идеалом*, противодействующим разрушительным тенденциям внутри *своего* культурного региона: каждая культура в соответствии с данным пониманием присваивает себе право презирать другие.

Призванная преодолеть просвещенческо-идеологизированные представления о русской философии, невротическая стратегия анализа помещает позицию наблюдателя внутри соответствующей схемы, сопротивление которой лишь свидетельствует о ее правоте. "Если пациент по имени Россия не согласится на психоанализ, то это означает, что анализ его обещает быть особенно интересным: ведь в известном смысле единственным объектом психоанализа является именно отказ быть проанализированным, отказ признать свою детерминированность подсознательным", - пишет исследователь из Германии Б.Гройс в работе "Россия как подсознание Запада".

Идентификации *русской идеи* оказываются в таком случае ориентированной именно на *чужое* и не детерминирована чем-то *своим* - психическим или национальным, тем, что изначально содержательно задано.

Отметим, прежде всего то, что сущностно-философский национализм - а таков всякий национализм, подчеркивает известный современный философ Жак Деррида, не хочет быть ни этноцентризмом, ни политикой, но хочет быть космополитизмом, однако - и прежде всего - претендуя при этом на *центристскую* исключительность.

Одна традиция - в философии или образовании - может быть представляема как отражение или невротическое следствие другой в ситуации признания исключительности центристского объяснения. Но философия именно многообразна. Неизменное и вневременное право первородства не принадлежат какой-либо одной философской позиции. И можно говорить лишь о приоритете позиций внутри традиции. А определение *своего* через *чужое* означает забвение собственных предпосылок и исходных оснований.

Отечественная философская

синтеза цивилизации.

Итак, призыв "Пора России снова стать Руссией" не означал и не означает изоляции или противопоставления. Соединение с прошлым опытом подразумевает соединение и с европейским прошлым, столь же своим, столь же нужным России, как собственное прошлое, и соединение со всем настоящим, без дискриминации. Но соединиться, подчеркнул русский философ В.Вейдле, нужно *разумно*, а не наобум - только так может быть построено единое для всех европейцев будущее. Разумность же предполагает обеспечение *доминанты русской продуктивности* - рациональное осмысление исторического опыта в формах философского понимания.

Радикальное антизападничество, предупреждал В.В.Зеньковский, неверно и неосуществимо, как невозможно и исторически бесплодно и элементаризирующее западничество: Европа уже не вне нас, а внутри нас, - и это относится не только к стихии культуры, но и к религиозной стихии. Антизападничество во всех его формах неверно и опасно, - оно неизбежно направляется на русскую же душу. Даже катастрофа 1917 г., продолжал Зеньковский, идеологически связанная с идеологией Запада, не может быть отделена от буйствующих начал самой России. Историей снято противоположение России и Запада - оно ныне выступает как глубокое расщепление внутри русского духа. Фальшивыми, по мнению Зеньковского, являются отгораживания от Запада или Востока; *всеяды отравили нас, все добрые течения вошли в нас*, - пришла пора действительной сосредоточенности на себе *без горделивого мессианского сознания, без утешения себя критикой других*. Обретение единства для себя возможно, по убеждению Зеньковского, только на пути воссоздания целостной жизни на основе православия, вселенская истина которого свободна от навязчивой мессианской идеи.

Жизнестроительной энергией в философии и образовании обладают те позиции, которые соединяют в себе *временность* и *вечность* - они актуально включены в идиоматическое пространство понимания. Слова и воззрения могут приходить *со стороны*, но они приобретают жизнестроительный смысл в приобщении к бытийным

основаниям существования.

В русском философствовании с самого начала отсутствовали однозначно рациональные подходы к осмыслению действительности и неприятие абстрактных построений ("что мне общее, если несчастна личность!"). Стремление соединить *слово* и *действие* - быть философией поступающей жизни - свойственно русской философии.

Творчество - и образование как творчество - это служение. Философия в таком случае не нуждается в особом роде *этике* и *эстетике*, ибо представляет полноту бытия в полноте понимания. "Модель сосредоточенного на бытии русского мировоззрения - видимый, слышимый, обоняемый и осязаемый мир", - пишет специалист по философии культуры из Венгрии З.Хайнади. Философское творчество, как и творчество художественное - представляет собой род практики понимания, сохраняющей и вызывающей к жизни целесообразную мысль о ней.

Русская философия в большей степени не история духа, а - *"жизненная история"* и *"философия жизни"*. Это - учение о человеке, о бытии, о цели и о смысле жизни. Русских прежде всего волновали вопросы онтологии, в то время как западные философы более восприимчивы были к вопросам гносеологии. Русское философствование тяготело к непреодоленным в нем культурно-мифологическим представлениям, точнее говоря, к их *следам* в культуре, создавая взаимодействия смыслов, сложившихся в мифопоэтическом представлении и измененных в традиции христианства. Философствование привязано к *земле* как освоенному бытийно-родовому основанию существования. Через открытый - близкий - мир мог быть непосредственно представляем в сознании - хотя бы в форме апокрифического предания-видения - и мир дальний - невидимый.

"Великолепно, державное светило, Я познаю в тебе собрата-близнеца..." В этих поэтических строках мыслителя-космиста А.Л.Чижевского выражено представление об изначальном родстве космического начала и личного существования. Особое положение идеи космичности свойственно и представлению об образовании. *Образование - именно космично*.

И в то же время образование основано на том, что идея становится действительностью *только в деятельности лица: образование личностно ориентировано*. И возвышающая мир идея не должна в своем усилии утрачивать личностный смысл. Отвлеченное же понятие скользит по внешним формам бытия, - поэтому необходимо понять трагическую наполненность бытия, проявляющуюся в человеческом выборе и поступке.

Философия образования, соотношенная с опытом жизнестроения, учитывает исторический опыт - реальную традицию, которая концептуально может быть представлена. "Историческое понимание есть объективное, научное... мы уже не можем философствовать без истории, если не хотим философствовать в анекдоте", - писал С.Н.Трубецкой.

И если понимание есть всегда событие, как подчеркивал М.М.Бахтин, то важно понять, *что именно* встречается *со-бытийствует* в отечественной традиции философии образования, понятий как образная и структурная определенность.

Поэтому в философии и образовании особо обостренно встает вопрос о *личности*. *В молодости не важно чему учиться - важно у кого...* Несмотря на известный радикализм, высказывание особенно значимо для настоящей ситуации, в которой роль личности чрезвычайно усилилась. Тот, кто осуществляет образование другого человека или философски ориентирует его в отношении к миру, должен представлять себе известный трагизм собственного положения -

в пределе задумываться о жертвенности своей позиции, ибо он несет ответственность за то, что происходит и может произойти.

Реально представлять это тем более необходимо, что в настоящее время во многом утрачиваются различия социальных контекстов и в практике образования создается унитарное пространство дисциплинарного воздействия на личность. Различия традиций и культур оказываются как бы отнесенными в сторону. В сегодняшней отечественной ситуации мы все втянуты в игру по сложившимся правилам, которая подчиняет и во многом переиначивает исходные стремления. Речь идет даже не о постоянной смене правил в процессе игры, а об отсутствии правил игры со стороны ее организаторов. Включенность России в современное европейское пространство будет сопровождаться все большим и большим дисциплинирующим давлением на сознание и образование. Поэтому необходимо промысливание горизонтов: задача состоит в том, чтобы определить конструктивные возможности с учетом традиции и современной ситуации. И эта стратегия как разумно-рассудочное действие с необходимостью должны сочетаться с содержательным материалом жизнестроения и исторической судьбы.

Экзистенциальная напряженность понимания не может быть отделяемой от рациональных усилий постижения реальности. Социальная ситуация разлома и кардинальной смены социального пространства, вовлеченность в *иное* временное измерение, переосмысление прошлого, особая острота вопроса о настоящем требуют от интеллектуала усилий создания живого философского опыта. При этом понимание не отодвинуто в сакральное или архаическое прошлое, но без них не может быть осуществлено. А понимание настоящего одновременно же есть и представление будущего.

Конечно, мысль не имеет национальных признаков, но рождается она в конкретном философском и социально-образовательном пространстве. Опыт отечественной философии - опыт своеобразной *философии поступка*. Может быть, именно эта особенность быть поступающим жизнестроением наиболее ценна в современной ситуации.

Построение живого философского опыта и опыта образования не сводимо к проблемам влияния или заимствования. Оно также не может быть решено в категориях господства и подчинения. Составные части и позиции повторяются, *особым* же может быть *образ философии*, который нельзя представить без отношения *понимания* и *жизнестроения*, то есть без обращения к образовательному процессу.

Жизненное - и философское - пространство вменено в попечение гению целесообразной мысли: *образ поддерживается и сохраняется гением местности*.

Образ философии как поступка противоречив - и во многом трагичен. Но достоинство его состоит в сохранении активного предостережения бытию.

Вопрос, связывающий понимание и жизнестроение и определяющий специфику их отношения в русской философской традиции, призван представить реальную - в историческом обличье и становлении - картину и образ философствования.

Именно тот целостный образ, без представления которого и без постоянной соотносительности с которым отечественное философствование и философия образования будут находиться *в ситуации философствования в анекдоте*, пусть даже и с предельной осовременностью анекдота и ситуации.

А.Грякалов, зав. кафедрой истории философии, доктор философских наук, профессор, академик Академии гуманитарных наук